

Редакторская

Этот выпуск ФК является результатом одного процесса и одного события. Процессом был регулярный семинар аналитического чтения по проблеме тождества личности, который мы вели в течение 2017–2018 учебного года. Постоянными участниками семинара были Артём Юнусов, Алексей Салин, Андрей Мерцалов, Артём Беседин и я. За это время мы разобрали десятки статей, посвященных онтологии личности и критериям сохранения личности во времени, составили собственные представления об этом проблемном поле, распутали множество концептуальных узлов. Событием была Летняя школа по тождеству личности на Мальте, организованная Московским центром исследований сознания. Ведущими школы были профессор Ричард Суинберн и доктор Эрик Янг, активное участие в ее работе приняли со-директора Центра доктор философских наук Дмитрий Волков, профессора Вадим Васильев и Роберт Хауэлл. Мы же приняли участие как в научных семинарах Школы, так и в ее организации. Итоги нашего аналитического чтения и занятий на Летней школе выразились в Прологоменах, которые читатель найдет сразу после этой заметки. Пространство же редакторской я не стану в этот раз использовать для рефлексии о судьбах нашего журнала, а представляю небольшое метафилософское предисловие к рассмотрению проблемы тождества личности.

Предисловие — странная вещь; замечали, что «Вместо предисловия» почти никогда не отличается от настоящих предисловий? Предисловия к философским

работам обычно, если только это не «Критика чистого разума» и не «Феноменология духа», — чтение необязательное, место для высказывания общих мыслей.

Общие мысли — ведь именно с ними молва связывает философию. Да и мы сами, философы, раньше учили, что философия есть наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления. Но это же не так. Возьмите любой, как говорят наши англоязычные коллеги, кусок философской работы: учение Аристотеля о началах, доказательство бытия Бога святого Фомы, рассуждение Декарта о реальном различии тела и души, исследование причинности Юма, трансцендентальную эстетику Канта, теорию индукции Милля, опровержение идеализма Мура, доктрину натуралистической эпистемологии Куайна, аргумент зомби Чалмерса — все это чертовски конкретные идеи. Эта конкретность, сосредоточенность на своем предмете, поджарость и эластичность настоящей философии, часто достигаемая за счет изощренной терминологии, отличает философские построения от разнообразной мудрости, взятой от древнегреческих гномов до современных VK-пабликов и Telegram-каналов с философскими цитатами. И чем глубже идет прогресс в философии, тем отчетливее мы понимаем разные философские предметы.

На самом деле прогресс в нашей дисциплине и состоит в повышении степени отчетливости. Посмотрите на развитие философского образования во всем мире: с каждым годом куррикулумы становятся все более и более детализированными, специализация возрастает. Часто подчеркивается, что это явление имеет и свою темную сторону: каждый ученый замыкается в своей узкой теме, отказываясь от построения общих систем. Этому часто сопутствует двоемыслие: в рамках своей области ученый говорит осторожно, взвешивая каждое слово, зато за ее пределами готов к самым смелым гипотезам, самым радикальным жестам или, напротив, может держаться весьма ретроградных убеждений.

При этом философия отделяется от жизни. Символом такого «герметичного» образа мысли обычно считается Альфред Айер, провозгласивший, что есть философия и есть жизнь, и с мест они не сойдут (о том смотри отличную биографию этого оксфордского мыслителя, написанную Беном Роджерсом). Неспециалисты часто приписывают эту позицию всем аналитическим философам. Из нашего же угла видно, что континентальным философам грехи специализации свойственны не менее, чем нам, философам аналитическим. Просто ценители Рассела и Сёрла чаще замыкаются внутри тематических зон и проблем, а любители Сартра, Делёза и Нанси — внутри творчества отдельных крупных мыслителей и их языков.

Против этого восстают самые разные авторы. В англо-американской философии это был Ричард Рорти, у нас против дифференциации философского знания выступает Фёдор Гиренок. Их проекты используют риторику новостных аргументов: Рорти считал, что после работ Витгенштейна, Дьюи и Хайдеггера мы свободны держаться любых интересных нам взглядов, не беспокоясь о так называемой объективной реальности. Гиренок же утверждает, что пришло время неклассической антропологии, которая должна оставить в прошлом традиционную философию, коя ныне годна разве что для тренировки мозгов начинающих мыслителей да в качестве источника вдохновения для настоящих мастеров ума.

Есть, однако, другой способ отнестись к предшеству-

ющей нам философии: посмотреть на нее как на живую материю, состоящую из вопросов и ответов. Возьмем для начала какую-нибудь проблему, скажем проблему тождества личности. Она беспокоит нас не потому, что она была поставлена и обсуждается в философии. Посмотрите на современное искусство, послушайте обсуждения по поводу искусственного интеллекта в среде IT-разработчиков, почитайте работы теологов и других ученых, пытающихся осмыслить веру изнутри, проанализируйте работы юристов, антропологов, социологов, психологов и психиатров — тема тождества личности будет сверкать весенней молнией на сером небе современной культуры то тут, то там. Людей интересует, что будет с ними после смерти, волнует проблема абортот, они обсуждают цифровое бессмертие и клонирование, спорят о том, как стоит вести себя по отношению к психопатам. Все эти темы имеют прямое отношение к тому, что в философии обсуждается под именем «проблема тождества личности».

Когда была поставлена эта проблема? Обычно считают, что первооткрывателем тут был Джон Локк, но можно указать и на куда более ранний текст — платоновский «Федон». Платона волнует проблема бессмертия души и ее перерождения. Локка беспокоит, как Бог будет судить людей после воскрешения из мертвых, каковы условия того, чтобы мы были теми же, что и при жизни. Сегодня мы имеем мощные цифровые технологии и куда более сложную юриспруденцию — но проблема, которая волновала Платона и Локка, волнует и нас, это та же самая проблема. От нее нельзя отделяться с помощью новостного аргумента, как бы изящно тот ни был построен, сколько таланта и эрудиции в него ни вкладывай. Верно сказать, что существенно изменились обстоятельства мысли. Сегодня большинство философов не верит, что слову «душа» можно подобрать хорошее значение, и уж совсем мало кто верит во Второе пришествие. Но все же прошлое философии и есть ее настоящее: аргументы Платона и Локка все еще обсуждаются, как и предложенные ими решения, хотя контекст их создания интересует в основном лишь историков философии. То, что Локка волновало в связи со Страшным судом, нас беспокоит в перспективе

оцифровки разума¹. Это много говорит о философии: мысль и ее собственная логика куда важнее, чем мотивы, по которым философ решил ее подумать.

Значит ли это, что с эпохи кризиса греческого полиса философствующее человечество не сделало ни одного шага вперед? Нет, не значит. Сегодня в философии звучит куда больше голосов, чем в древности, и в индивидуальных их модуляциях угадывается, насколько иначе можно мыслить то, что нас удивляет, беспокоит, ужасает, заботит. Философы куда внимательнее, чем раньше, исследуют собственные предпосылки, лучше инспектируют имеющееся у них интеллектуальное оружие. И мы просто больше знаем, чем те великаны, на чьих плечах нам довелось стоять. Пусть мы не всегда хорошо знаем посылки — психологические, исторические, теоретические — мыслей Платона и Локка, зато, как представляется, куда лучше знаем вытекающие из их учений следствия. И они могут многому научить нас, мыслящих сегодня. Итак, место классической философии — внутри философии современной. И это не спекулятивный тезис, это исторический факт, который можно принимать или не принимать во внимание; он от этого не изменится.

Теперь посмотрим на проблему тождества личности не в диахроническом, а в синхроническом аспекте. Кажется, что это довольно узкая тема. В самом деле, можно выстроить впечатляющую философскую систему и коснуться этой темы лишь одной-двумя фразами. Примерами тут могут быть учения Гегеля или, скажем, Пирса. Однако стоит начать разбираться в том, кто, как и что говорил о тождестве личности, — увидишь, что каждая из основных позиций в этой области связана с самыми разными полями философии. Теоретики психологического тождества обсуждают проблемы памяти и времени; защитникам существования души нужна своя философия сознания, особая теория науки, экстравагантная онтология; анималисты ведут дела с метафизикой, природой жизни и смерти, задаются вопросом об референции «Я»; нигилисты переживают

о моральной ответственности и ищут то, что важно; нарративисты занимаются эстетикой и чувством самоуважения. Разве что политическая философия тут особой роли не играет; у исследователей в этой области и так голова болит от политики идентичности, куда уж им еще и тождество личности! Словом, думая о тождестве личности, думаешь сразу о множестве философских проблем.

Может быть, дело в том, что тема тождества личности не является суверенным философским доминионом? Это не так. Если перестать концентрироваться на теме условий сохранения личности во времени, все эти вопросы распадутся, расползутся по своим углам, перестанут образовывать одно проблемное поле. Из каждого из них уйдет нечто важное. При этом, если заняться другой философской проблемой, скажем, свободой воли, рано или поздно она приведет исследователя к теме тождества личности: не потому, что эта тема есть своего рода философский Рим, а потому, что реальное устройство философского вопрошания таково, что в нем почти все связано с почти всем. Философы участвуют в одном деле, и уже давно не в человеческих силах проследить все связи внутри него. И континентальная философия тут оказывается вместе с аналитической: как приятно после сухого, угловатого, кудяго мыслями текста Шумейкера почитать вдумчивый трактат Рикёра — словно бы с плота Гека Финна пересел на человека-швейцарского ножа и полетел над морской гладью!

Словом, приступая к чтению о тождестве личности, полезно держать в голове два свойства этой темы: во-первых, она обладает определенной интеллектуальной автономией, которая позволяет ей быть частично независимой от мотивов разрабатывающих ее ученых и в разные века оставаться самой собой, меняя лишь одежду; во-вторых, она связана с большим количеством других философских автономий, что существенно затрудняет ее исследование.

1. На эту мысль меня навел разговор с IT-специалистом Игорем Цупко, общение с которым вообще много чему меня научило.